

ПИСАТЕЛЬ Венедикт Ерофеев не оставил после себя большого «творческого наследия». По большому счету, он, как и многие «писатели второго ряда», «прозванные гении» etc., является автором одной-единственной книжки. Другое дело, что «МОСКВА—ПЕТУШКИ», вероятно, много лучше целого ряда собраний сочинений самых знаменитых классиков XX века — от Алексея Толстого и Леонида Леонова до Александра Солженицына и Виктора Пелевина. Что, кстати, насколько не умаляет ни одной из заслуг ни одного из последних. Просто в одной маленькой повести (это, разумеется, поэма, но все равно — повесть о настоящем маленьком человеке!) Ерофеев сумел сконцентрировать все то, что другим приходилось размазывать чуть ли не по всему Красному Колесу.

Венедикт Ерофеев никогда не станет настоящим классиком русской литературы, но войдет во все антологии: его место рядом с Козьмой Прутковым, Юрием Олешей и Олегом Григорьевым.

Сейчас о Ерофееве много пишут, много публикуют «из творческого наследия». Появляются даже подделки. Точнее, тексты, «приписываемые Венедикту Ерофееву». И мне в данном случае непонятна позиция Веничкиных ревнителей и охранителей, которые везде и повсюду, устно и письменно утверждают, что нет никакого «Шостаковича» (роман, считающийся утерянным; впрочем, вероятнее всего, это все-таки был не роман, а лишь наброски к нему). Нету, утверждают они, ни Максима, ни Дмитрия, ни композитора, ни романа! Ну и что, что нету? Тексты, приписываемые Ерофееву, почти столь же интересны, как и тексты самого Ерофеева. Другое дело, что их следует печатать в Дополнениях и Приложениях, с пояснениями и комментариями, но печатать, а не отмываться. Во всяком случае, в третьем издании (первое выпустило издательство «Х.Г.С.» в 1995 году, второе, исправленное и дополненное, должно вот-вот выйти, если уже не вышло) сочинений Венедикта Ерофеева, я надеюсь, составители так и поступят. В конце концов ведь и статьи о Ерофееве являются зачастую воспоминаниями или полувоспоминаниями, но и они не менее важны и интересны, чем научные исследования. Даже заметки, повествующие, скажем, о том, как однажды «пьяный в дым Ерофеев приставал ко мне в электричке, только я не знала тогда, что он Ерофеев», или о том, например, как уже в последние годы «он не дал интервью, но все равно гений», да и просто собственные воспоминания о собственных возлияниях, путешествиях, первой любви etc., в большей или меньшей степени связанные с именем Ерофеева, — даже это все равно является ЛИТЕРАТУРОЙ О ЕРОФЕЕВЕ.

Однако вернемся к самому автору «Петушков». Русский писатель Венедикт Васильевич Ерофеев родился 24 октября 1938 года на Кольском полуострове, за Полярным кругом. «Я родился, — напишет он в записной книжке, — через три недели после Мюнхенского сговора». В 1946 году арестовывают его отца Василия Васильевича (знаменитая статья 58-10: анти-советская агитация и пропаганда). До 8-го класса будущий писатель вместе с братом Борисом находится в детском доме в г. Кировске Мурманской области. С 8-го класса по 10-й — уже обычная школа, которую Ерофеев заканчивает с золотой медалью.

В 1955 году Венедикт Ерофеев приезжает в Москву и, пройдя только собеседование (в то время золотым медалистам не было необходимости сдавать все экзамены), поступает на филологический факультет Московского государственного университета. Тогда же, т.е. на первом курсе, начинается «первое осмысленное писание» — первое прозаическое произведение «Записки пси-

знаменит. («Моя проза — в разлив с 1970 г. и с 73 навывнос»).

В 1985 году Венедикт Ерофеев пишет трагедию «Вальпургиева ночь, или Шаги командора», которая должна была составить по его планам вторую часть триптиха «Драй Нэхте» («Три ночи»). Однако начавшаяся тяжелая болезнь (рак горла), предсказанная им самому себе еще финалом поэмы «Москва—Петушки» («Они вонзили мне шило в самое горло...»), не позволила их осуществить. Сохранились

обозрение). После его чтения понимаешь, что незря Ерофеев оправдывал свое пьянство тем, что это у него такое призвание, а «уважать надо всякое призвание». «Последний дневник» хочется назвать — ПЬЯНСТВО КАК СЛУЖЕНИЕ.

Ерофеев умер в мае 1990 г., дневник охватывает период с октября 1989-го по март 1990-го. Последняя запись датирована 18 марта. Больше Ерофеев ничего не написал.

«Последний дневник» читать тяжело. После прочтения хочется не откупорить, а забыть. Не бражничать, а бежать. Судите сами:

«Голову можно поворачивать только на 25 влево и 20 вправо». (После двух операций на горле.)

«Все дальше к вечеру уже не могу говорить, даже кивать головой не в силах». (Не следует забывать, что после 1985 г. Ерофеев вообще не мог говорить, пользовался специальным аппаратом или писал.)

Ерофеев не жалуется, он записывает. Поэтому есть и такое: «Сегодня я уже способен гулять. <...>

ли мне бутылку столичной и банки овощных голубцов...» («Москва—Петушки»). И от 24 октября 1968 года: «И принесли мне — что принесли? — две бутылки столичной и две банки фаршированных томатов...» («Москва—Петушки»). Все минувшее миновалось. Все утекло, ничего не изменилось: «Самый беспамятный из всех моих дней рождения. Помню только первые две рюмки, далее мгла, кроме (третьего) падения на кухню...»

Конечно, не забывает Ерофеев и о политике:

«По буквам «Израиль» — Ирочка, Зайков, Рыжков, Андронов и Лигачев».

«...Но мне важнее: изловят этого пидораса Чаушеску или не изловят...»

А еще важнее вот что (махните рюмку, смахните слезы, встаньте из-за стола): «Епифан сшивает на мне сообщением из Москвы: большевики начали продавать водюру с 8 утра...» Ах, Веня. Пьющему трудно. Непьющему гадко. Пора заканчивать.

А потому напоследок несколько заключительных аккордов, в сущности — чистая лирика, а по сути — проливные слезы!

«Снова один. Метелица почти стихает. «Скоро март», говорю себе, и больше ничего не говорю.»

«Коньяк, еще коньяк, и отдыхаю с гудящими от весны ногами.»

И одна из самых, самых последних записей: «...первый раз спал на новой кровати...»

Евгений ЛЕСИН.

R.S. Ерофееву опять, как всегда, не повезло. Грандиозные «ерофеевские праздники» — с возведением памятников на Курском вокзале и в Петушках, с автопробегами и забегами на ипподроме и пр. и пр., задумывались и планировались, конечно, до всяких кризисов, инфляций и девальваций (как в мире Чистогана), задумывались именно как праздники. Сейчас же, когда многие почитатели Ерофеева оказались без работы и средств к существованию, все это выглядит пиром во время чумы. С другой стороны, вся жизнь, все творчество Венедикта Ерофеева — это и есть пир во время чумы. Пир духа (как любили говорить в перестройку) во время Красной чумы. Да и вообще, что делать безработному интеллигенту в критические для страны дни? Воспользоваться «русской прокладкой на каждый день» — водкой. Ну а чтобы не пить мрачно, тупо, с горя, только и остается, что праздновать Веничкин юбилей.

Начинается полоса коньяков и канделябров...

R.P.S. А тут еще — «госмонополия на водку»... Хорошо, что не дождал Венедикт Васильевич до такого подарка ко дню рождения от большевиков.

КОНЬЯКИ И КАНДЕЛЯБРЫ

Книжное обозрение. — 1998. — 10 нояб. — с. 8

хопата» («Заметки психопата»), охарактеризованное самим писателем, как «самое объемное и самое нелепое из написанного».

После исключения из университета начинаются скитания — он сменяет три пединститута (Владимирский, Коломенский и Орехово-Зуевский), работает «в разных качествах и почти повсеместно: грузчиком продовольственного магазина (Коломна), подсобником каменщика на строительстве Черемушек (Москва), истопником-кожегаром (Владимир), дежурным отделения милиции (Орехово-Зуево), приемщиком винной посуды (Москва), бурильщиком в геологической партии (Украина), стрелком военизированной охраны (Москва), библиотечаром (Брянск), коллектором в геофизической экспедиции (Заполярье), заведующим цементным складом на строительстве шоссе Москва—Пекин (Дзержинск Горьковской области) и многое другое».

В 1970 году Ерофеев пишет поэму «Москва — Петушки» и создает ею отдельный жанр русской литературы XX века, который так и называется «Москва — Петушки». В 1973 году она выходит в Иерусалиме, писатель становится всемирно

только наброски к одной из предполагавшихся еще «ночей»: к пьесе «Диссиденты, или Фанни Каплан».

Последним законченным произведением писателя было эссе, своеобразный коллаж «Моя маленькая лениниана» (1988).

В стране бурно и лавинообразно разворачивается перестройка, имя Ерофеева начинает появляться в печати, публикуются отрывки его произведений, интервью. Страна выздоравливает, здоровье самого Ерофеева становится все хуже.

В конце 1988 года журнал «Трезвость и культура» (а где же еще печатаются Ерофееву?) начинает публикацию «Москвы—Петушков», в 1989 году поэма (почти без купюр) появляется в сборнике «Весть» (М., Книжная палата), в 1990 году в издательстве «Интербук» появляется отдельная книжка, причем по ценам, установленным самим автором: первое издание — 3 руб. 62 коп., второе — 4 руб. 12 коп. Это была последняя шутка писателя. Последние же его дни описаны в «Последнем дневнике».

Документ этот одновременно и страшный, и великий, и замечательный (опубликован в 18-м номере журнала «Новое литературное

Усаживаюсь за привезенную прессу». Но (запись того же дня) — «... стук в окошко: появ. Мур. И тоже с провизией, и тоже с коньяком».

А в другой день даже так: «...врываються Кобыковы с псом, с коньяком и кагором».

А следовательно, «начинается полоса коньяков и канделябров».

Начинается она, как и положено, совсем не страшно, можно даже сказать, светло и радостно: «... выпью еще стакан, закушу луковкой и буду славить моего Господа». Хорошо, да? Но не радуйтесь прежде времени. Дневник-то последний, предсмертный дневник, а значит, самый что ни на есть смертный. И смерть, как «девка с гостинцем» (т.е. водкой), все время маячит рядом:

«Приканчиваю утром остаток водяры...»

«Приканчиваю остаток вчерашней водяры...»

«Подкрепляю себя остатком бормотухи...» и т.д.

А день рождения, 24 октября 1989 года? А он не слишком-то отличается от 24 октября 1958 года: «Пришел ко мне Юрий Петрович, пришла Нина Васильевна, принес-